

ченной дождемъ ясно свидѣтельствовали о томъ, что она не одну сотню верстъ прошла пѣшкомъ. Башмаки ея изодраны такъ же, какъ у ея дѣвочки, а у послѣдней тѣ же признаки голода, страданія и нищеты.

Женщина поджидала графиню Толстую.

Дѣвочка бѣгала и рѣзвилась, ловя бабочекъ. Ребенокъ среди здоровой обстановки, зелени и цвѣтовъ воспрянулъ, какъ угасающій мотылекъ.

Наконецъ, графиня Толстая показалась на террасѣ

Женщина подошла къ ней.

Между ними произошелъ какой то разговоръ.

Графиня замахала руками и крикнула:

— Отстаньте, не могу, не могу!..

Старушка указала на дѣвочку.

— Сказала я, что не могу, не приставайте,—чутьли не крича волновалась графиня.

— У меня здѣсь не богадѣльня!

Изъ схваченныхъ налету нѣсколькихъ словъ я понялъ что старуха-мать просила графиню пристроить дѣвочку въ усадьбѣ ходить хотя бы за коровами, ибо сама она идетъ склонить свою старую голову въ пріютъ, а дѣвочку дѣвать некуда.

Графиня все повторяла: «отстаньте, уходите здѣсь не богадѣльня, въ Москвѣ можетъ быть пристроилабы». Я видѣлъ, какъ двѣ осиротѣлыя, фигуры, угнетенныя, забитыя, голодныя, съ низко опущенными головами молча направлялись къ воротамъ усадьбы...

Я всталъ со скамьи и побѣжалъ вглубь садика...

Сердце мое обливалось кровью...